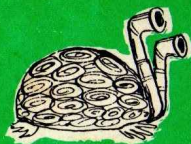

Цена 20 коп.

Индекс 72996.

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

4
(801)

ТАТЬЯНА ШАБАШОВА

ГОЛЫЕ

ФАКТЫ

Дружеский шарж А. ЦВЕТКОВА

Татьяна Владимировна Шабашова, как и полагается, сначала родилась. Нормально развивалась. Затем началось ученье — свет! — и тьма разных дел. Внесла небольшую лепту в отечественный волейбол и маленькие лепточки в плавание и легкую атлетику.

С помощью 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков преодолела языковой барьер и пятнадцать лет переводила с русского на английский и наоборот, на международных конгрессах, семинарах, фестивалях и симпозиумах. Там и сэкономила порцию юмора, пригодившегося впоследствии.

От безобидного юмора в газетах «Москву ньюс» и «Советский спорт» перешла к нелицеприятной сатире в журнале «Крокодил». За меткое попадание смехом в наших зарубежных недругов была в 1976 году удостоена звания лауреата Крокодильской премии.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 4

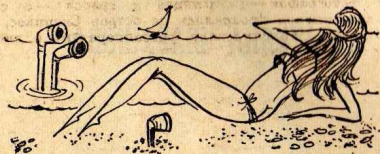
ТАТЬЯНА ШАБАШОВА

ГОЛЫЕ ФАКТЫ

Рисунки Г. КАРАВАЕВОЙ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1978

Голые факты

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой рассказывается о том, как итальянский журнал «Плеймен» решил обскать своего американского конкурента.

Редактор «Плеймена» Аделина Таттила деловито открыла собрание редакционного совета.

— Надо поднимать тираж, — без обиняков заявила она. — Наш шеф не похвалит нас, если мы будем топтаться на месте. Голенастые наденщицы надоели. Надо искать новые формы. У меня трое детей, и я не хочу, чтобы им драли глотку сухие спагетти. Американский «Плейбой» — 400 тысяч экземпляров, мы — только 350 тысяч. Кто за то, чтобы переплюнуть «Плейбой»?

Все были за то.

— Для этого надо бить крупную дичь!

Все были за дичь.

— В таком случае, коллеги, есть идея — захватить и снять в самом что ни на есть натуральном виде высокопоставленную особу.

— Это можно! — гоготнули коллеги. — А какую особу?

— Жаклин Кеннеди!

По залу тихо пролетела муха. Аделина метнула колочий взгляд.

— В чем дело? Как понимать ваше молчание?

— Как знак согласия! — грянули коллеги.

— И, надеюсь, я не услышу слюнявских разговорчиков о том, что, мол, «вдова президента», «национальная трагедия», «неудобно», «нетактично» и прочую болтовню?

— Обижашь, редактор, — нахмурились коллеги. — Мы и слово таких не знаем! Будет сделано на совесть! Аривидерчи!

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой рассказывается о том, как 10 прыгучих фотографов — итальянцев и греков — со сноровкой завязатых домушников прокрались на остров Скорпиос, где проживала Жаклин, замаскировали фотоаппаратуру с дистанционным управлением и битых 15 месяцев охотились за объектом.

Знаменитый миланский фотограф Саттимьо Гарритано зашел на суку. Ныли затекившие члены. Палило солнце. Попискивали насекомые. Кажется, целую вечность томится здесь Саттимьо на ветке пирамидального тополя и слезает только в случае крайней нужды. «Внемли, пресвятая мадонна! Пошли в этот квадрат злополучную Джекки! Молокосос Дживонни Тельпасио уже изловчился сделать несколько снимков. Этот щенок проплыл под пляжную будку, где раздевалась Жаклин. А ему, Саттимьо, не везет. Он полз в апартаменты по канализационным трубам, но заблудился, утопил там свой штатив и сам чуть не задохнулся. Потом решил вскарабкаться в спальню по отвесной стене, цепляясь за ползучие растения. Сколько раз, бывало, он это проделывал удачно! А тут подвел радикулит. Продуло в канализацию.

Но что это? В наушниках что-то застрекотало. Саттимьо насторожился. «Спаси-те! — услышал он истошный шепот. — Пупондопуло утонул!» «Мама миа! — ругнулся Саттимьо, от неожиданности падая с дерева. — Нашел время тонуть! Еще сорвет все мероприятие, грек несчастный!» Спотыкаясь на затекивших ногах, короткими перебежками от куста к кусту Саттимьо бросился к берегу моря.

Что он видит? На махровой простынке загорает Джекки. Моторная лодка заезжает то справа, то слева, и оттуда ведется прицельная съемка. Этот водолавающий щенок Дживонни Тельпасио в стеклянном наморднике выныривает из пены и щелкает из водонепроницаемого аппарата. На песке, обмотанный водорослями, лежит выброшенный волной Пупондопуло. Грудь его в ракушках, на челе блаженство: утопая, он успел сделать несколько снимков. Не мешкая, Саттимьо принялся делать собрату искусственное дыхание. «Жив, оклемается!» — подумал Саттимьо, глядя, как Пупондопуло выплывает рыбок и рачков, но в эту минуту Жаклин изящно перевернулась на другой бок, и Саттимьо прильнул к аппарату...

Так или иначе, в декабре 1972 года вышел «Плеймен» с таким сенсационным подбором фотографий, что даже самые законченные циники заливались стыдливым румянцем, когда на них с обложки журнала, глянцево улыбаясь, глядела прелестная Жаклин. Она полулежала и полусидела в чем мама родила на четырнадцать сочных цветных фотографиях...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой рассказывается о том, как в редакции «Плеймен» подбивали итоги рейда на остров Скорпиос и строили новые, еще дальше идущие планы.

Редактор Аделина Таттила деловито открыла собрание. Сучковка, висевшая у нее на руке, заметно раздулась.

— Вы неплохо подзаработали, коллеги! — без обиняков заявила она. — Один только Саттимо Гарритано содрал с меня больше пятидесяти тысяч долларов! Хапута!

— Обижаетесь, редактор! — обиделся Гарритано. — Я только на вас работал, а этот утопленник Пупондопуло, между прочим, сбыл две черно-белые фотографии налево — журналу «Панорама» по цене...

— Прошу не считать в моем кармане! — высокомерно заметил Пупондопуло.

— Замри, хунта! Кто тебя вытащил из морокой пучины? Кормил бы ты сейчас рыб...

— Больше тебе меня спасти не придется. Кончились наши авантюры. Отплавались.

— Это еще почему?

— А потому! — Пупондопуло выгреб из портфеля пачку газет и журналов. — Послушайте, как нас поливают. Журнал «Тайм»: «Неприличное представление в голом виде бывшей Первой Леди взбудоражило всю Европу». Газета «Ла Stampa»: «Было бы лучше для Италии, если бы эти фотографии не появились в печати...»

— Прекратите ныть! — деловито крикнула Аделина Таттила. — Свобода журналистики — одна из наших самых замечательных свобод. Давайте лучше подумаем, что делать дальше. Внесите предложения!

— Предлагаю снять в костюме Адама главу правления Национального банка, — предложил Гарритано. — Можно вскарабкаться по стене в его ванную...

— Молчите, Гарритано! — прервала его редактор. — Кому нужен ваш глава? За этого волосатого тучника никто и сольди ломаного не даст! Я вот думаю другое: а что если снять в натуральном виде... — Синьора перешла на шепот.

— Как? — тихо ахнули коллеги. — Самогó?

— Самогó!

— А схема канализации Ватикана?

— Дастанем.

На минуту все замерли от грандиозности замысла. По залу тихо пролетела муха. А потом все повскакали со своих мест и с громкими криками «Аривидерчи, Аделина!» побежали готовить очередную скандальную сенсацию.

«Плеймен» прочно укрепился на печатном рынке.

Солила ль ты биточки, Дездемона?

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о судьбе американского театра. Долго и беспросветно влечли он жалкое финансовое существование. Директора, импресарио, владельцы театров, этих убыточных предприятий, мыкались, прогорали и искали спасения всеми правдами и неправдами... Театр уже испускал последний дух, когда вдруг Фортуна приветливо улыбнулась Мельпомене.

«Интересное открытие сделали владельцы театров, — пишет журнал «Тайм» в статье «Артист на закуску». — В помещении переоборудованной закусочной в Сан-Диего, в бывшей прачечной в Канзас-Сити, в зале бывшего нелегального казино в Новом Орлеане, а также в бесчисленном множестве других мест дельцы открывают свое новшество — «обеденные театры». Зрителям подают коктейли, обед и пьесу под одной крышкой, все за определенную цену, которая колеблется от 6 долларов в небольшой южном городке до 15 долларов в районе, близком к Бостону или Нью-Йорку. В таких театрах актеры зачастую зарабатывают только то, что получают на чай, так как одновременно выполняют функции официантов и официанток».

Представьте себя за кулисами одного такого театра зажатыми между кухней и сценой. Несовместимо витают в воздухе запахи грима, пудры, кур и подгоревшей рыбы. Актеры готовятся к выходу: перетирают стаканы, сбивают коктейли, между делом проговаривают монологи.

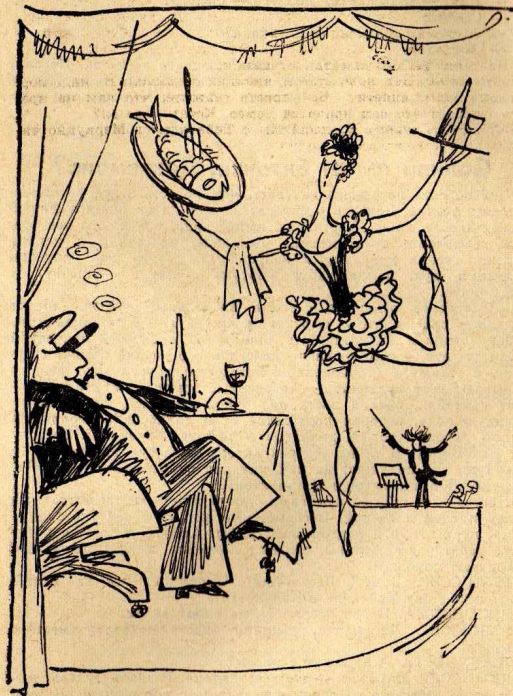
РЕЖИССЕР. Ромео! Джульетта! Меркуцио! Все на месте? Что-то я не вижу Монтекки и Капулетти?

ДЖУЛЬЕТТА. Повар послал их на склад за пивом.

РЕЖИССЕР. Джульетта, реплики будете подавать вместе с бульоном!

ДЖУЛЬЕТТА. А пирожки с мясом?

РЕЖИССЕР. Пирожки — это сверхзадача. Раздали бульон, леко, изаяцю взбегаете на сцену и резвитесь с кормилицей. Кормилица в это время кормит посетителей сандвичами...

ДЖУЛЬЕТТА. Пока я буду резвиться, пирожки остынут.
РЕЖИССЕР. Пожалуй, вы правы. Пока вы разносите бульон, пусть кормилица разосит пирожки. Выход Капулетти — отца и матери. Джульетте сообщают, что к ней сватается Парис.

ДЖУЛЬЕТТА. Джульетта в отчаянии...

РЕЖИССЕР. Нет, пожалуйста, никаких отчаяний! Не надо портить зрителям аппетит. Вы просто скажите, что вам не нравится Парис и что вам нравится Ромео. Кстати, где он?

РОМЕО (из кухни). Я здесь! Мы с Тибальдом и Меркуцио читим кур. Куры оказались полупотрошенные.

РЕЖИССЕР. Безобразия! Присылают полупотрошенных кур! Торопитесь, ваш выход! Сцена первая — площадь Вероны. А что брат Лоренцо опять опаздывает? Никакой дисциплины!

БРАТ ЛОРЕНЦО. Я вот он!

РЕЖИССЕР. Почему вы такой возбужденный, весь красный?

БРАТ ЛОРЕНЦО. Помогал разгружать огурцы. Я еще не гри-мировался: то разгрузи, то поднеси. В образ некогда войти!

РЕЖИССЕР. Тихо! Начинаем! Хор, прошу внимания. Не забудьте, что в «Прологе» последние две строки «Помилостивей к слабостям пера, их сгладить постарается игра», меняем на «Помилостивей к слабостям пера, их сгладить постарались повар!»

Итак, раньше театрал получал духовную пищу, теперь — пи-щу из духовки.

— Что сегодня дают в театре? — спрашивал в прошлом театрал, чувствуя приятное волнение в душе.

— Что сегодня подают в театре на первое действие, на второе действие и на сладкое? — спрашивает нынешний театрал, чувствуя приятное урчание в желудке.

Раньше актера увенчивали лавровым венком, теперь он довольствуется лавровым листиком, плавающим в супе.

Раньше театр прогорал. Теперь, в соединении с отбивной котлетой, он приносит владельцам, как пишет «Тайм», доход до 1,5 миллиона долларов в год. Обеденный театр в Омахе, например, вытягивает из посетителей 16 тысяч долларов еженедельно, из которых 9 тысяч — чистая прибыль.

Такие цифры, естественно, бодрят и веселят сердца бизнесменов. Возникают новые, дерзновенные планы по части дальнейшей гурманизации театра.

ДИРЕКТОР (вбегая). Вы молодчина, старина! Именно от таких спектаклей вырабатывается желудочный сок! Что мы даем в субботу?

РЕЖИССЕР. «Отелло». Дездемона пересолит биточки, Эмилия расскажет об этом Яго, у Дездемоны пропадет одна столовая салфетка — подарок Отелло, и заварится такой конфликт!

ДИРЕКТОР. Надеюсь, мавр не станет ее душить? Этак у людей кусок в горле застрянет!

РЕЖИССЕР. Маврик добр, как котенок. Он, конечно, рассердится, что биточки пересолены, ведь он на диете. Но, в общем, все кончится поцелуем в диафрагму. Хэпши энд.

Слышно, как на сцене хор бодро исполняет:

— Нет повести печальнее на свете, чем повесть о сидящем на диете!

(Аплодисменты. Все жуют.)

Эта дружная, счастливая, процветающая семья

Недавно на американские телеэкраны был выпущен новый 12-серийный фильм «Американская семья».

Так называемые «семейные серии» — уже давно любимая телелица американцев. И молодой режиссер-документалист Крейг Гилберт, принимаясь за этот фильм, имел самые благие намерения — подробнее зафиксировать на пленке дружную и процветающую ячейку добропорядочного потребительского общества. Свой выбор он остановил на благополучной пятитетной семье Лаудсов, имеющей полный набор стереотипных материальных ценностей — от ранчовидного домика в пасторальном пригороде, до электронной машины для облупливания крутых яиц.

Вообразите: вам выпадает шанс сыграть главную роль в многосерийном фильме о вас самих! Семейство Лаудсов с истинно американской любовью к «паблисити» ухватилось за этот шанс и побегало приводить в образцово-показательный порядок свое гнездо. Шутка ли, гнездышко будут показывать по центральным каналам миллионам американцев!

ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА ЭТОТ ФИЛЬМ, НАПЕЧАТАННОЙ В ЖУРНАЛЕ «НЬЮСВИК»: «Фильм «Американская семья» — это правдивая история, неделя за неделей прослеживающая настоящие, реально существующие жизни красивого, преуспевающего Билла и Пат Лаудсов и их детей от 13 до 20 лет. Лаудсы живут в Санта-Барбара, Калифорния. Билл имеет собственный бизнес. Пат — уточненная кулинарука. У обоих стройные фигуры и масса энергии».

В продюсерском кабинете Лаудсы беседовали с создателями фильма.

— Мы выбрали вас, — приветливо говорил продюсер, весело

крутясь на одноногом кресле вокруг собственной оси, — потому что вы выглядите очень счастливой, очень средней и очень типичной американской семьей. Нам не годились семейки со всякими там нехватками и неполадками. Наша цель — показать, что потребительское общество процветает, что люди в этом обществе счастливы и могут наслаждаться жизнью. Мы уже достаточно производили и теперь можем потреблять. Вам ясно? У вас элегантный дом, сад, четыре автомобиля...

— Один из них «ягур»! — уточнила Пат.

— Электродавилки, электросбивалки, электромойки, — встала, воодушевляясь, режиссер. — Мы дадим их крупным планом! — И лошадь еще, — добавил Билл.

— И лошады! Лошадь — это пицца для режиссера! Герой будет скакать на ней по ходу действия. Колоритно! Ковбойно! Кроме того, — продюсер крутанулся в сторону Пат, — вы, мадам, прекрасно сохранились. Вы, я бы сказал, еще чрезвычайно... гм... телегеничны!

— Я хранительница домашнего очага! — ворковала Пат, ошпаривая продюсера оборожительной тридцатидвухзубой улыбкой. — Я готова подписать договор!

ИЗ РЕЦЕНЗИИ: «Реклама этого фильма объявляет Лаудсов первой реально существующей телевизионной семьей. Но впечатление от фильма обратное. Глядя на жизнь Лаудсов, поражаешься нереальности, призрачности их безрадостной комфортабельной жизни. Видно, что Лаудсы должны все время стараться во что бы то ни стало непровержимо доказать, что они образец добропорядочной, патристически настроенной типичной американской семьи, а телекамера должна — также во что бы то ни стало — эти старания закрепить».

А Лаудсы готовились к выходу на голубой экран. Они старались довести свой дом до предельного шика. Натралились полы, пригвождали кашпо, примерялись туалеты, прочесывались кошки, накладывались питательные маски. Все промывалось, наряджало и пылесосилось.

И настал час. И въехала в дом телекамера. Вошел в дом режиссер Крейг Гилберт. Он покажет, что «система ценностей» потребительского общества — это не миф! Внимание... Приготовились... Не обращайтесь на меня внимания, миссис Пат, вокруг вас непреходящие ценности, и вы потребляете!.. Мотор!

ИЗ РЕЦЕНЗИИ: «В школе, дома, на работе, на отдыхе и во время развлечений эти внешне красивые люди поступают, как богатые идиоты. Их тележки, когда они идут за покупками, ло-

мятся, но их головы пусты! Божество изобилия служит им недобрую службу. Неужели же все это есть точное изображение американской жизни? Или создатели фильма сфотографировали все это в кривом зеркале?»

Утро в доме Лаудсов. Хрусталь. «Мартини» со льдом. Икебана.

ПАТ (перед зеркалом). Как я тебе нравлюсь, дорогой, в этом новом люрековом брючном ансамблике?

БИЛЛ (с восхищением). Ты бесподобна! Я хочу купить тебе еще пять таких ансамбликов! Нет, лучше десять! Едем в магазин. Немедленно. (Едут в магазин. Двери магазина. Билл и Пат выходят, нагруженные до зубов. Выносят тюк из конфекции. Тюк из парфюмерии. Тюк из бижутерии. Грузят в машину.)

ПАТ (из шезлонга). Ах, как я устала! В магазинах было так жарко... (Закуривает «Ротмэнз».)

БИЛЛ (преподнося жене цветов). Понюхай, дорогая!

ПАТ (нюхает). Ммм-х! Интересно, растут ли такие на Гавайских островах?

БИЛЛ (вскакивая). Ты хочешь поехать на Гавайские острова! О, дорогая, твое желание — закон! Завтра же летим! (Заканчивает по телефону авиабилеты.)

ПАТ (растроганно). Ах, как ты добр, дорогой!

БИЛЛ (еще растроганней). А ты еще добрей!

Пат плетет венок. Билл гоняется за бабочками.

ИЗ РЕЦЕНЗИИ: «Очень похоже, что семья усиленно старается создать впечатление счастливой. Но ведь счастье измеряется не только наличием материальных ценностей — одежды, автомобилей, — есть и другая мера — люди, которые сами по себе тоже что-то значат. Но об этом Лаудсы молчат.»

Впрочем, молчали они недолго. Привыкнув к камере, Лаудсы перестали играть на публику и заговорили натуральными голосами. Ах, лучше бы они проглотили языки!

КРЕЙГ ГИЛБЕРТ (в отчаянии). Билл! Пат! Перестаньте скандалить! Закончим сцену «Тихие предвечерние часы», а там хоть застрелитесь! Билл, заткнитесь! Будьте корректны при детях, черт бы вас побрал!

ДЕТИ. Как же им не скандалить, когда папочка проторчал целую неделю у своей новой любовницы, а мамочка его там застучала!

КРЕЙГ (стучит кулаком). Хватит! Давайте снимать! «Тихие предвечерние часы»! Внимание... Мотор!

БИЛЛ (сдавленно). Что ты сегодня готовишь на ужин, дорогая?

ПАТ (вырывая у Билла клок волос). Яд! Яд я тебе готовлю, негодяй!

БИЛЛ (заежая Пат кулаком по скуле). Тогда готовь одну порцию! Одну! Для себя! Я ужинать не приду!

КРЕЙГ (бросаясь наперез дерущимся). Стоп! Сто-оп! Прекратите! Ну, вот... (чуть не плача). Что теперь делать с этим фингалом? Стойте так, не поворачивайтесь к камере разбитой скулой. А вы, Билл... Нельзя ли поосторожней!

ДЕТИ. Счастливо оставайтесь! Мы больше не участвуем. Нас ждут соседские дети, намечается небольшой детский групповой сексик. Привет семье!

БИЛЛ (замахиваясь на жену серебряной поварешкой от крошеницы). Я могу ей для симметрии еще...

КРЕЙГ (вырывая поварешку). Да прекратите вы наконец, надоело!

БИЛЛ (лежа в кресле). Я могу ей для симметрии еще...

ПАТ (лежа в истерике). Снимайте, снимайте, пусть все видят!

ИЗ РЕЦЕНЗИИ: «Договор, который они подписали с телевидением, можно сравнить с фаустовским. Они запродали свои души глазку телекамеры, но поняли это только после семи долгих месяцев съемок. К тому времени двадцатилетний брачный союз родителей распался, а старший сын уехал из дома в Нью-Йорк, где связался с какой-то темной, полууголовной компанией.»

А в продюсерском кабинете происходил уже другой, крутой и малоприятный разговор. Продюсер, с остервенением крутясь на однополом кресле вокруг собственной оси, хватался за сердце, Пат на стуле уныло махала ресницами.

— Нет, вы только послушайте, — зывал продюсер, — что пишут про вашу паршивую семейку! «Двенадцать эпизодов, по часу каждый, фильма «Американская семья», производят угнетающее впечатление. Фильм потрясает как истинная американская трагедия». Ваш старший сын на глазах у зрителей стал гомосексуалистом и наркоманом. Ваш 18-летний, которого вы считаете самым благополучным, возвратившись из путешествия в Таиланд и Австралию, не мог членораздельно рассказать, что он там видел. По скудости лексикона он мычал, как идиот. Ваш младший, 17-летний недоросль, не желает ни учиться, ни работать. Боже, что он плел перед телекамерой! Да еще каждый раз влезал в кадр пьяный!

— Ну, выпил ребенок! — огрызнулась Пат.

— А ваша 15-летняя дочь? Бесстыжая девка! Зачем это вас угораздило выживать у нее подробности ее шалостей с этим, как там его, ее соблазнителем?

— Мы не навязывались!

— Я выбрал вас потому, что вы заморочили мне голову своими лошадами и «ягуарами». Вы надули меня, обвели вокруг пальца!

— Вы сами семь месяцев торчали у нас в доме! — взорвалась Пат. — А теперь все, как электронно-лучевая трубка! Скажите еще спасибо, что я не вышвырнула вас вместе с вашими идеоусилителями!

— И эту семейку муниципальные органы Санта-Барбары нам рекомендовали как самую благополучную!

— Перестаньте кудахтать, вы, старый диод! Уберите звук, когда дама говорит! Вы набьете себе карманы на этом фильме! Послушайте, что пишут: «Хотя фильм производит угнетающее впечатление...» Нет, не это. «Иллюзорность идеалов... Пустота существования... Отсутствие духовных...» — опять не то! Да перестаньте же стонать! Вот: «...фильм может иметь большой успех, ведь лаудсовский идеал семьи-конфетной коробки разделяет большинство американцев». Слышали? Большой успех!!

— Посмотрели бы вы на себя, когда в новогоднюю ночь сидели в пустом доме одна, как мышь! Нечего сказать, счастливая семейка: муж сбежал, детишки устроили пьяную оргию в гараже. Да, мам, я хотел показать семью-конфетку, а что вышло? Обвинительный акт! Беспощадный, точный кинематографический портрет состоятельной американской семьи со всеми ее изъянами, болезнями и фальшивыми ценностями.

ИЗ РЕЦЕНЗИИ В ЖУРНАЛЕ «НЬЮСУИК»: «Этот фильм — вопль, отчаянный крик, чье эхо потрясает Америку».

Тяжела ты, шапка Абрахама!

ВПОЛНЕ ВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ

ЗАТЮКАННЫЙ МЭР

Мэр города Нью-Йорка Абрахам Бим уложил в потертый фамильный саквояж зубную щетку, пасту, электробритву и кое-что из белья. Упаковывая свои любимые клетчатые тапочки, Бим невольно задержал взор на решетчатом рисунке ткани и печально вздохнул.

Тяжко сознавать, но вверенный его заботам Нью-Йорк оказался в пиковом положении. Небооскребущий красавец обанкротился. Ни одного захудалого цента не завалилось в его муниципальный кармане.

Шпишки сыпались на голову городского головы.

В отсутствии чего только Абрахама Бима не обвиняли! И в отсутствии умения управлять, и в отсутствии решительности, и в отсутствии прозорливости.

Но этого мало. Чрезвычайное управление финансового контроля для наблюдения за расходами муниципалитета грозило отправить мэра в тюрьму.

«Ну и отправляйте! Не испугаюсь! — мысленно огрызался мэр, укладывая — на тот самый случай — рядом со шлепанцами завернутую в целлофан вареную курицу. — Обрадовались! Нашли выход! Требуют, чтобы я уволил 47 тысяч муниципальных служащих. С уже уволенными получится 70 тысяч. Хорошо, допустим, я уволю, а потом кто-нибудь из этих канцелярских скунсов пристукнет меня из-за угла! Или придут в моей же собственной постели!.. Не-ет, уж лучше тюрьма! Там по крайней мере безопасней!»

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАША ТЕТЯ!

Бим уже занес было над саквояжем мешочек с сухарями, когда резкий звонок пронизал глубины его дома. Бим вздрогнул, кинул сухари на секретер и выглянул в дверь. По коридору, шурша брючным костюмом, неслась тетя Цецилия.

Обстреляв глазами племянника и его саквояж с торчащими оттуда бледными куриными коленями, старая дама украсила свое лицо торжествующей улыбкой:

— Bravo, мальчик! Bravo, мэрик! Я вижу, ты благополучно собрался в тюрьму?! Слюнтяй! Размазня! И это вместо того, чтобы действовать!

— Но, Циц, дорогая... — припал к ее плечу племянник.

— Надо немедленно урезать расходы, Эйби!

— Но я уже урезал, тетя! Я урезал все, что можно!

— В твоём положении надо урезать и то, что нельзя! — строго прикрикнула бескомпромиссная тетя и поправила бурый паричок. — Вот что, я хочу немедленно осмотреть город. И, пожалуйста, выбрось к чертовой бабушке вот это! — воскликнула респектабельная леди, пенальтируя фамильный саквояж с такой досадой, что курица на вареных крыльях вылетела в окно. — До-

пустить мысль о тюрьме?! Да какой ты после этого голова? Ты не голова, ты хуже! Голова не должна сидеть! Вперед!

Бим прискорбно улыбнулся и предложил тете руку.

БЕЖИТ КУРИЦА С ВЕДРОМ...

Авеню, на которую они вышли, была забита дымом, криками, паникой и огнем. Горела больница. Она горела пылко и беспрепятственно. Несколько добровольцев с огнетушителями суетились вокруг на общественных началах. Медперсонал и перепуганные больные неорганизованно бегали взад-вперед с насупленными, неожиданными в данной ситуации сосудами.

— Безобразия! Где пожарные?! — взревел было Бим, однако осекая и стал выпрастывать из толпы тетю. Но тут какой-то псих в больничном халате узнал Бима. «Полубойтесь, — зарорал псих, — это наш мэр! Это он скостил бюджеты пожарных команд! По его милости горим!»

Бим выдернул из толпы тетю Циц и побежал вдоль авеню, буксируя запыхавшуюся старушку. Вслед ему летели отвратительные части речи и не наилучшие пожелания. Когда они вернулись за угол и перевели дух, Бим сказал:

— Между прочим, псих прав: это я урезал пожарников. Учите это, тетя.

ЧТО ШИПЕЛО В ЛАБОРАТОРИИ

Вскоре наши путники вышли к зданию университета. Храм науки, лишенный сторожей и уборщиц, стоял неприбранный и хлопал дверьми.

Нечто странное увидели здесь Абрахам Бим и тетя Цецилия. В химической лаборатории группа серьезных молодых людей делала таинственные движения руками, очень похожие на жестикуляцию при переливании из пустого в порожнее и дружно шипела. Мощное «Ш-ш-ш!!!» несло оттуда, как из террариума.

— Почему они шипят? — подступилась тетя к ближайшему бородачу.

— Ах, не спрашивайте, очаровательная! — откликнулся бородач. — Шипим, поскольку изображаем вон ту химическую реакцию! — Он бородой указал на черную доску, испанную замысловатыми формулами. — В университетской лаборатории не осталось ни одной колбы! Все продано с молотка!

— Моя работа! — шепнул Бим на ухо тете Цецилии. — Это я обкорнал бюджет университета на 32 миллиона долларов!

КАРАУЛ!

Бим и тетя возвращались домой, когда уже смеркалось. С потемневшего неба что-то накрапывало и моросило.

Как вдруг нашим дутникам загородили дорогу три подозрительных типа.

— Подкинь на бедность, дядя. И поторапливайся, не заставляй нас попусту тратить время!

— Караул! Грабят!!! — закричал разгневанный мэр, но, схлопотав чем-то увесистым по голове, умолк.

— Полиция! — пискнула тетя, но ее тут же обездвигили.

Освобождая Бима от часов, бумажника и пальто, снимая материальные ценности со старушки, трое непринужденно беседовали.

— Поразительная неосведомленность, — посмеивались они. — Звать на помощь полицию! Неужели пожилая леди и этот дядя не знают, что сейчас во всем Нью-Йорке полицейских раз-два и обчелся? Уволены, бобики. Эй, дядя! — тряхнули они Бима. — Ты что, не знаешь, что наш мэр Абрахам Бим распорядился в целях экономии сократить численность полиции?

Записки вернисаженца

У каждой художественной натуры свой, неповторимый путь в искусство. Самюэл Шост не был художником, но однажды решил, что скрываться от упреков жены лучше всего в нью-йоркских картинных галереях. Это надежно. Джуди не придет в голову искать мужа в музейной пыли.

Для памяти он вел дневничок, который случайно попал нам в руки.

ПОНЕДЕЛЬНИК. День ненастный. Джуди хнычет.

Пошел в галерею «Сидней Дженис» на выставку Тома Уосселмэна. Его новое произведение «Большая американская голая женщина» поставило меня в тупик. С одной стороны, я не против крупных женщин (эта заняла не меньше сорока квадратных метров), с другой стороны, «Ньюсуик», журнал, который я уважаю, заставил задуматься: «Большая американская голая женщина» Тома Уосселмэна похожа на громадную афишу, заполненную розоватым мясом и ярко-красными губами. Уосселмэн

концентрирует свое внимание на анатомических деталях, таких, как ноги, ступни. Его картины вызывают чувство отвращения». Долго смотрел на женщину цедиком и на анатомические детали, решил не горопиться с выводами. Дома смотрел на свои ступни. Надо будет срезать мозоли.

ВТОРНИК. Был на открытии выставки Дана Флавина. Все только и говорили о том, что он создал шедевр из двух клистирных трубок. Оказалось, Дан работал с обыкновенными трубками дневного света. Трубочки перекручены и подключены к электросети. Думаю, эффект в том, что одна горит нормально, а другая мигает. Какой-то тип полез чинить, чтобы не мигало. Его сняли со стремянки, растолковав, что это замысел художника. Поспорили. Передрались. Черт дернул вмешаться. В суматохе я схватился за трубку, дернул током.

Поехал в «Райс Юниверсити мьюзеум» при Институте изящных искусств, надеялся в атмосфере изящества отдохнуть душой и оправиться от электрошока. Увы! И здесь Флавин со своими трубками занял четыре зала. Экскурсоводы сообщают интересующимся, что Дан Флавин и его эдиноышпенники требуют решительного отказа от традиционных материалов: их кредо — создание художественных произведений из скобяных изделий и электровагов.

СРЕДА. Был в «Соннабенд галери». Смеялся от души! Вильям Вегман показывал свои видеоленты. Народу масса. Вегман колготился возле своей аппаратуры. На экране — Вегман и собака. Он явля в ударе. Повалялся на спину и подставил всю свою физиономию. Пес лизал. Второй видеofilm — Вегман передразнивает свою жену. В душе я ему посочувствовал. Ведняжка Вильям, моя Джуди — ангел по сравнению с миссис Вегман! Третья картина — Вегман пучит глаза, надувается: изображает чревоуещателя. Смеялись до колик, забыв всякие приличия! Жизнеутверждающее искусство. Обязательно попробуя дома.

ЧЕТВЕРГ. Попробовал видео дома. Аппаратуру достал. Надо разработать сюжеты. Прорепетировал с собакой. Пальма лизать мое лицо наотрез отказалась. Смазл мясным бульоном. Приманку ваяла, но прихватила нос. Все смеялись до упаду.

ПЯТНИЦА. Еду на фестиваль искусств...

С фестиваля вернулся в прекрасном настроении, побежал в ванную и пустил воду.

— Джуди! — крикнул я. — Принеси-ка мне виолончель!

— Сэмик, бог с тобой, что ты говоришь?.. Где я возьму тебе виолончель?

Никогда ничего не допросишься в этом доме.

— Ну тогда хотя бы скрипку!

Джуди почему-то заплакала. Тогда я сказал как можно мягче:

— Джуди, детка, помнишь, ты всегда гордилась, что твой брат играет на кларнете? Где он?

— Разве ты сам не знаешь? Он давно в могиле.

— Да не брат! Кларнет!—вскипел я.— Или хотя бы игрушечный барабан нашего Бобби!

— Сэм,—всклинула жена,— если ты хочешь выкупать барабан, то для чего ты снял штаны?

Видимо, она принимала меня за сумасшедшего. Тогда я дал ей «Ньюсунк», и там она прочитала:

«Но ничто не могло сравниться в этом сезоне с решением Шарлотты Мурман играть на виолончели под водой. Это событие имело место в стеклянном аквариуме на Нью-Йоркском фестивале искусства и было гвоздем программы».

Играя на кларнете на дне ванны, я нахлебался воды и затем долго икал, но художественное бульканье, которое я издавал, было мне вознаграждением. Когда же из ванны вода перелилась и потекла в коридор, я увидел в этом символ нового течения в искусстве.

Правда, в отличие от авангардистов, которые на этом зарабатывают, мне придется заплатить соседям снизу за испорченный потолок, но это такая ничтожная жертва по сравнению с той радостью, какую я черпаю в искусстве!

Война под градусом

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой генерал еще ничего не знает.

Отставной генерал Жюль де Фрикадель неторопливо завтракал в уютной мансарде, когда в глазах у него вдруг потемнело: в дверях, заслоняя солнце, выросла его жена.

— Жюлик! — выдохнула подруга жизни, всем своим видом выказывая беспокойство. — Тебя к телефону!

— Мм-меня? — заглатывая манную кашу, едва не подавился де Фрикадель, уже давно устранившийся от суеты сует и не вызываемый ни по каким делам. — Кто?!

— Какой-то тип! — заколыхалась жена. — Иди скорей, он сказал: «Срочно!»

Де Фрикадель устремился к аппарату.

— Мой генераль! — застрекотал в трубке взволнованный голос. — Срочно приезжайте! Нужны ваши услуги отечеству!

— Что такое? — затрепетал старый вояка. — Война?!

— Война, мой генераль! Война!

— Но нужны, наверное, танки, ракеты? А я от инфантерии!

— Сгодится! — вкричали на другом конце провода. — Главное поскорее, мой генераль! Не копайтесь! А ля герр ком а ля герр!

— Куда ехать? — наполняясь патриотизмом, вскричал генерал.

— В министерство сельского хозяйства!

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой жена генерала еще ничего не знает

«Что бы это значило? — озадаченно размышлял почтенный генерал, погружаясь в кофр, где, усыпанный нафталином, покоился его мундир. Почему «сельского хозяйства»? С этой отраслью его могла связать разве что коза Козетта, пасущаяся под окном его коттеджа. Правда, был еще поросенок, визгливый Пти Кошон, но с ним свели счеты еще на пасху, превратив в заливное. Но нет, он не ослышался, черт возьми! Звонивший ясно сказал: «сельского хозяйства»!

Мундир жалобно затрещал на своем носителе, и жена второпях бросилась перешивать луговицы прямо на генерале. Она замахивалась на мужа иглой и, откусывая нитку, рычала так, будто хотела съесть его самого.

— Готово, мой шер! — шумно вздохнула она, напоследок вгрызаясь в нетерпеливо еравшего супруга. — Адье, мой ами! Смотрите, не опоздай к обеду!

— «К обеду!» — горделиво посмеивался генерал, держа путь в министерство сельского хозяйства. — О, женщина! Она еще не ведает, что меня зовет труп!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой кое-что уже начинает проявляться

Не успел де Фрикадель переступить порог министерства, как его оглушило. Кругом шумели и галдели так, как сорок тысяч братьев галдят не могут. Подхваченный горячим человеческим потоком, генерал пронесся сквозь длинный министерский коридор и на чьих-то плечах ворвался в обширный зал. Здесь было

битком набито народу, а на трибуне надрывался вдохновенный оратор.

— Мы должны обуздать зарвавшихся английских фермеров! — орал оратор. — Они, видите ли, протестуют против ввоза наших кур и яиц! Они объявили нам куриную войну! Требуя, чтобы мы снизили цены! Но это же курам на смех! На все цены растут, а мы будем снижать?! Отбить петушьи насочки британских эгоистов — святой долг сообщества!

— Какого сообщества? — спросил генерал у стоящего вплотную бородача.

Тот посмотрел на него дикими глазами.

— Вы что, папаша, с лунохода свалились? Европейское сообщество, Общий рынок. А грызня из-за цен.

На трибуне появился другой оратор.

— Ни рыба! Ни мясо! — объявил он. — Англичане не пропускают в свои порты ни нашу рыбу, ни наше мясо! Они требуют снижения цен! Их портовики обнагтели, они задерживают наши бараны и свиные туши! Спасите наши туши!

Генерал поморщился. Он достаточно наслушался о росте цен от своей жены, чтобы еще слушать здесь. Его пригласили сюда как полководца! Он пустил в ход локти и пробил себе дорогу к выходу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой содержится суть дела

— Садитесь, мой генераль! — приветствовал де Фрикадель начальник департамента виноделия Жан де Стеклотарр. — Ах, какая может быть ля ви? — грустно ответил он на вопрос генерала «Как жизнь?». — Ни минуты покоя. То то, то другое. И сейчас эти итальянцы! Они объявили нам винную войну!

— Забыла Наполеона! — вскипел старый вояка. — Забыли уроки истории! Ну да ничего, я им напомню!

— И подолем им будет! — подхватил де Стеклотарр. — Пусть знают, как наводнять своим паршивым, пардон, винишком нашу многострадальную Францию! Вы не представляете себе, мой генераль, что происходит. Наши виноделия разоряются, нервничают, ну, и... проникают в магазины, бьют бутылки, крушат бочки с итальянским вином. Лужи, реки вина текут вдоль улиц! Поверите ли, от винного духа пьяные кошки и собаки валяются под заборами, как люди! Ну куда это годится?!

— Мы отомстим врагу! — грозно пробасил де Фрикадель. — Я призову на помощь тети наших прославленных маршалов Нея Удино, Лефевра, Вертье, Коленкура! Я брошу наши славные полки стремительным маршем на виноградные части противника! — воодушевлялся генерал. — Я обеспечу продвижение и дислокацию

корпусов, я...— Генерал пришел в неподдельный патриотический экстаз.— Я последую принципу Наполеона: «Надо ввязаться в бой, а там видно будет!»

— Вот именно, вот именно, мой генераль, надо ввязаться!

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой начальник департамента виноделия прямо не знает, как быть.

— Карту Апеннин! — браво-скомандовал генерал.— Надо изучить театр военных действий! Вы помните, мой друг, что, по выражению Клаузевица, «Наполеон знал Апеннины, как собственный карман»!

— Вот именно, мой генераль, собственный карман! Это очень важно! Мы не можем допустить, чтобы наш карман... гм... полегчал, во компрене? Министры сельского хозяйства «Зеленой Европы» без конца заседают, пытаются разрешить проблему сбита излишков вина. Но...— де Стеклотарр понизил голос,— Антер ну, скажу вам по секрету: все без толку!

— Надеяться можно только на силу штыка! Ту-рум-бум-пум! — проурчал генерал куплет старого военного марша.

— Но в винный скандал,— добавил де Стеклотарр,— вмешалась также Англия! Да, да, представьте себе, Англия, которая даже не входит в число основных производителей вина в Европейском экономическом сообществе. Англичане для изготовления своих вин покупают виноградный сок и сусло на стороне! Вне Общего рынка!

— И вы это терпите?! — вскричал генерал.— Да мои гвардейцы проткнут эти бочки штыками! Покупать сусло на стороне! Ну нет, это им так не пройдет! Наполеон вынашивал мысль о вооруженном десанте против Англии, но он не решился пересечь Ла-Манш. Ныне я, де Фрикадель, приведу эту мечту в исполнение!

— Ах, мой генераль,— забеспокоился де Стеклотарр,— десанта, пожалуй, не надо. Еще дойдет до ООН, начнутся санкции... Давайте как-нибудь помягче.

— Я могу предложить арталет через Ла-Манш. Цистерны с вином можно изрешетить шрапнелью!

— Вокось, и это слишком, мой генераль. Может быть, нам бросить в бой гусениц?..

— Бросить танки на их виноградники? Отличная мысль!
— Нет, не совсем то, мой генераль. Гусеницы, но не танковые...

— А какие же?

— Мохнатенькие!

— И вы пригласили меня сюда...— поблдевел генерал,— чтобы предложить мне командовать сороконожками?!

— Вы меня не так поняли, мой генерал...

— Еще одно слово, и я убью вас! Клянусь тенью великого императора!! — взревел старый воака и, сокрушая все на своем пути, выбежал из министерства сельского хозяйства.

— Ты успел как раз к обеду, мой ами! — похвалила его жена. Проблема «винной войны» — в который раз! — не была решена.

Недремлющее ухо

«Один американский портной специализировался на шитье костюмов с передатчиками и батареями, искусно зашитыми в подкладку. Его основными заказчиками были председатели компаний, президенты корпораций и тому подобная публика». Из английского журнала «Уикенд».

Современное буржуазное общество распирает любопытство. Интересно все: кто, что, когда, с какой целью? Тянет узнать, не замыслил ли чего-нибудь ближний? А дальний? Интересы фирмы толкают подсмотреть, подслушать, пронохать... Случись этому обществу занять герб, на нем следовало бы изобразить ушную раковину, замочную скважину и три заветных слова: «Хочу все знать!»

Однако в электронно-вычислительный век подслушивание ушами и вынюхивание ноздрями отошло на задний план, уступив место технике. Вездесущей, всемогущей и портивативной, которую даже смешно сравнивать с человеческим ухом, глазом или ноздрей. Помимо всех своих преимуществ, техника имеет еще одно: она может разместиться там, где человеку и не снилось.

Именно поэтому директор американской фирмы, монополизировавшей производство электровибраторов для облупливания крутых лиц, мистер Уильям Мак-Рурус покосился на бюст своей секретарши и досадливо пожегился. До сегодняшнего утра он вообще не замечал этой трясогузки и уж тем более не задумывался над тем, есть у нее бюст или нет. Оказалось, есть и недюжинный.

Встав из-за стола, директор подошел к секретарше, которая в это время самозабвенно барабанила на машинке, наклонился к секретаршину фронтону и начал радиопередачу для конкурентов с целью дезинформации последних.

— Пишите, мисс Смит,— громко и внятно произнес мистер Мак-Рурус.— Приходится констатировать, что наш яйцеоблупливающий электровибратор устарел в техническом отношении. Его отказываются покупать. Фирма терпит убытки! Из-за того, что барахлит этот проклятый термический блокинг-генератор, яйцо недоваривается и, облупливаемое всяктуку, заливает режекторный фильтр! Нас засыпают жалобами и рекламациями!

Ведная мисс Смит шарахнулась в сторону вместе со стулом. Она знала, что термодинамический яйцеоблупливатель Мак-Руруса действует безотказно и никаких убытков фирма не терпит. Мисс Смит со страхом посмотрела на босса. А он сделал шаг вперед и, преследуя кончиком носа ее брошку, провозгласил:

— Я снимаю яйцеоблупливатель с производства!

Могла ли знать перепуганная, присосная к стулу секретарша, что ее шеф кривит душой и что совершать такие, мягко говоря, странные действия его побудила статья в журнале «Уикенд», озаглавленная «Берегитесь! За нами шпионят через бюстгалтеры!». В статье говорилось:

«Научный и промышленный шпионаж в настоящее время является наиболее быстро развивающейся отраслью в мире. Как утверждает один из ведущих американских экспертов по раскрытию микрофонов, Бен Джамил, Великобритании можно считать передовой страной, центром по производству и распространению скрытых подслушивающих приборов. За ней вплотную следуют Соединенные Штаты.

Область мод, несомненно, дает весьма богатую почву для симпатичных шпионов и благоприятствует их деятельности. Так, на Парижской выставке моделей одежды полиция обнаружила у одной дамы из конкурирующего дома моделей крошечную камеру, смонтированную в каблучок ее туфли. У одной американской шпионки обнаружили два микрофона, смонтированные в бюстгалтер».

Тут надо сказать, что сам мистер Мак-Рурус не был младенцем по части подслушивания. Благодаря своей изобретательности он всегда ухитрялся быть в курсе дел своих собратьев по техническому прогрессу. Ему всегда были известны их планы, черте-

жи и идеи, и, очевидно, поэтому ни один из них не сумел его обскать. И он улыбнулся, прочитав:

«Один американский мастер по набиванию чучел смонтировал передатчик в чучело крокодила и носил его при себе с разведывательными целями».

Но следующие строки сдули улыбку с его лица:

«Промышленный шпионаж в США известен еще и тем, что специалисты устанавливают подслушивающие аппараты в самых неожиданных местах, начиная от цветочных горшков и сбивалок для коктейлей и кончая рамами для картин и зубочистками».

— И... зубочистками! — вскричал, как укушенный, директор. Его произошло воспоминание о том, что не позднее вчерашнего вечера сосед, сидя у него в гостях, долго вертел около своих усов зубочистку, так и не пустив ее в ход. То, что этот визитер притащил его супруге миссис Мак-Рурус кактус в горшке, тоже вдруг обрело неприятный смысл.— Не-ет, это неспроста! — накалялся директор.— У-у, кактусоводы! К черту!! Вместе с горшком!!! — Он рванул телефонную трубку и, залыхаясь, прорычал жене: — Чтобы к моему приходу! В доме! Не было! Ни одного! Этого трижды проклятого кактуса!! Или я, или эти волосатые уродцы!!!

Услышав в телефоне всхлипывания жены, он сразу успокоился. Мак-Рурус любил эти нежные, хлюпающие звуки. Он стал спокойно дочитывать статью.

«Микрофон можно легко вставить в обыкновенную пиджачную пуговицу».

Казалось бы, что в этом сообщении особенного? Но слишком хорошо знал мистер Мак-Рурус, что промышленный шпионаж — это еще далеко не все, чего ему следует опасаться. Это еще, так сказать, половина котлеты, которую ему надлежит кушать изо дня в день. Он ни на минуту не забывал, что ФБР и ЦРУ следят за его благонадежностью, что все и вся обмотано проводами и радиоволнами. Поэтому упоминание о микрофоне в пиджачной пуговице заставило его насторожиться. Мак-Рурус уже давно заметил, что один из сотрудников его конторы, некий Фрост, имеет обыкновение крутить пальцем пуговицу своего пиджака.

— Настраивает передатчик! — осенило директора. Вихрь гнева забушовал у него в груди.— Уволю!!! Пусть покрутит свою пуговицу на бирже труда! Там как раз можно записать недурные разговорчики!!

Вызванный в кабинет директора и получивший сообщение об увольнении, рыжий, застенчивый Фрост молча вцепился в пуговицу своего пиджака. А директор, ухватив его за лацкан и порывая дыхнуть в пуговицу, голосом телевизионного диктора провозглашал:

— Я глубоко люблю и уважаю наш строй! Разрядка нужна только коммунистам! Да здравствует частное предпринимательство!

Золотая корова

ГЛАВА 1.

ШУМ В БАНКЕ

Фитцджеральд Офнарелли и Панталоне Хаммординг притаились в тиши подворотни.

Несколько минут назад, избиваемые владчиками, они выскользили из помещения банка, унося ноги и жалкую сумму денег — мизер, оказавшийся в ящике у кассира.

Кто-то стал стрелять, кто-то попадал в обморок, а какая-то часть во главе с шустрым старикашкой кинулась за грабителями, топоча ногами и отвратительно бляя: «Держите!»

Но, слава всевышнему, Фитцджеральд и Панталоне имели опыт убежания. Погоня проскакала мимо, когда они юркнули в спасительное чрево проходного двора и укрылись там под сенью помойных баков. Оба потирали ушибленные места и старались не пикнуть, чтобы не выдать своего присутствия.

Первым молчание нарушил кот. Выскочив из-под кучи мусора, этот драный гуляка громким, залихватистым «мяу!» известил окрестных подруг о своих дерзких планах. Фитцджеральд и Панталоне покрылись холодным потом.

— Доехали! — злобно прошипел Панталоне.— Дрожим от кошачьего писка. Все. Хватит. Грабить банки сейчас — это атавизм! Только новорожденный недоносок не знает, что там кругом сигнализация и сплошь понатыканы фотокамеры! Очень может быть, что уже завтра все заборы во всех штатах украсят нашими портретами, словно мы смазливые секс-бомбы или кандидаты в президенты! Мы будем неплохо выглядеть в полосатых костюмах на каменоломнях Техаса!

ГЛАВА 2.

ЧТО ТЕКЛО В ПОДОЙНИК

Дома Фитцджеральд сидел как побитый, зализывал раны и безропотно принимал упреки: это он был автором схемы налета на банк. Сейчас вид его способен был разжалобить каменную глыбу. Панталоне взял на тон ниже.

— Предоставим грабить банки желторотым дочкам папочки Херста,— примирительно сказал он.— А ты, Фитц, разлепи глаз и посмотри сюда! — Панталоне вытащил из бокового кармана аккуратно сложенную газету и протянул приятелю.

«СТОИМОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ,— прочитал Фитц.— Один день пребывания в американском госпитале — 181 доллар.

— За каждую операцию американец в среднем выплачивает 1500 долларов.

— В 1975 году за пребывание в больницах и по счетам за визиты к врачу американцы заплатили 100 миллиардов долларов».

— Ну и что? — спросил Фитц, возвращая приятелю газету и затычным зевком выражая свое отношение к прочитанному.— Я и без тебя знаю, что у нас в Штатах самая пустяковая хвороба, вроде чесотки или флюса, влетает в хорошенький финансовый нокдаун. Когда тетя Хлоя лечилась от спондилёза, дядя Джек чуть не умер, расплачиваясь с врачами!

— Ты клонюл в самое зерно проблемы, Фитц! Я задумал беспроигрышное дельце. Я хочу, чтобы деньги за спондилёз тети Хлоя текли ко мне в руки! — Панталоне наклонился к ушной раковине приятеля и торжественно проговорил: — Я хочу собственноручно пошарить в больничной кассе! Мы обработаем больницу!..

— Боль... Что-о?! — икнул Фитц.— Боль-ницу?!.. Клистирное заведение! Ха! И что же ты собираешься там брать? Дюжину аппендиксов? Или блуждающую почку?

— Дневную выручку! И это будет побольше, чем мы с тобой прихватили в банке!

Готовя отмычки и бесшумную обувь, Пант рассуждал: — Больничная касса буквально плачет по нас! Надо только подойти и оттопырить карман—деньги сами потекут туда, как в подойник.

На деле все оказалось сложнее. Как и предполагалось, налетчики вырубил в больнице свет. Но кто-то цепкий в помещении кассы оказал сопротивление. Фитцу опрокинули на ноги кислородный баллон. Панта огрели фаянсовой уткой по голове.

— Никогда не думал, что кислород такая тяжелая штука, — стонал дома Фитц.

— Не ной, Фитц! Мы совершили маленькую методологическую ошибку — хотели подоить чужую корову. Я придумал кое-что получше! Мы купим больницу! Корова вместе с выменем будет принадлежать нам!

ГЛАВА 3.

Операция «СВЯТОЙ ВАРФОЛОМЕЙ»

В приемный покой приятели явились со скорбными минами заявдлых радикулитчиков. На вопрос медсестры «На что жалуетесь?» ответили: «Общее недомогание», и выразили просьбу повидать главврача, который одновременно был и владельцем больницы.

Фитцджеральд остался в коридоре, а Пант вошел к главному.

— Руки вверх! — скомандовал Панталоне, но в ответ на это получил в челюсть чем-то тяжелым, как впоследствии выяснилось, металлическими щипцами для перекусывания ребер и трубчатых костей.

— Больница ваша будет наша! — кратко сформулировал Панталоне суть своего визита, за что стал мишенью для банки с формалином, в которой плавал, как потом стало известно, ценный трансплантат.

На стук и грохот вошел Фитц и предупредил доктора, что еще одна подобная шутка и уже никакая медицина ему не поможет.

В конце концов этот док оказался славным малым. Хотя и долго упирался, прежде чем написал под диктовку Панталоне дюжину строк о том, что больница «Святого Варфоломея», принадлежащая мистеру Имьяреку, переходит со всеми ее медицинскими потрохами в руки новых владельцев — мистера такого-то и такого-то, заплативших за нее два миллиона долларов.

— А деньги?! Где деньги?! — вопил этот Гобсек от медицины.

— Не мелочитесь, док! — урезонивал его Панталоне, пуская в ход кулаки и все подручные средства информации. — Мы покупаем в долл! А вам подавай наличными? Привыкли, понимаешь, драть с живого и с мертвого!

От нотариуса новые законные владельцы «Святого Варфоломея» ехали весело.

— Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и боль-

ным! — балагурил Панталоне. — Как ты думаешь, Фитц, какого цвета «кадиллак» мы купим? Экрю? Жандарм-блю? Или, может, цвета детского испуга?

— Я думаю, Пант, куда бы нам махнуть на бархатный сезон — в Майами или на Палм-бич? Что пофешенебельней? — в тон приятелю подпевал Фитц.

Настроение, однако, портил этот нытик док. Он скис, не понимал шуток и весь стал похож на помойного кота, у которого отобрали любимую мышь.

Друзьям стало его жаль.

— Мы же вас не выгоняем, коллеги! — добродушно говорили они. — Оставляйтесь, лечите, режьте, потрошите, мы не против. И есть из-за чего вешать нос! Продали больницу? Так не вы же один! Стыдно, любезный, хандрить! Где ваша гуманность? Пользовались — дайте другим!

ГЛАВА 4.

ЗАПОЗДАЛЫЙ ЭПИГРАФ

Как сообщает австрийская газета «Фольксштимме», на западном побережье США мафия уже скупила несколько десятков больниц и намеревается превратить их в высокорентабельные предприятия.

Жалости просим

Это, конечно, верно, что сейчас в Америке около десяти миллионов безработных и что эта цифра катастрофически растет. В газетах мелькают бесчисленные фотографии очередей к биржам труда. И особо сострадательным джентльменам жаль бедняг, которые в надежде получить хоть какую-нибудь работу сутками дрожат на холоде под дождем и снегом.

Хочется спросить сострадателей: кого жалеете? Кому посвящаете свою чистосердечную слезу? Неужто вы не слышали, что есть на этом свете истинные страдальцы, более достойные вашего соболезнования, чем примелькавшиеся безработные? Душе-раздирающие факты сообщает журнал «Тайм» в статье «УПАДОК И БОГАЧИ».

«Известная в высших кругах супружеская пара перешла от шампанского высшего качества к более дешевым сортам — калифорнийским, которые подают в графинах».

Вот на какие жертвы идут люди во имя экономии! И это не только финансово-экономическая и морально-этическая жертва. Это также и желудочно-кишечная жертва. Привыкший к шампанскому высшего качества пищеварительный тракт супружеской пары рискует не выдержать перехода к более низким сортам. Может вспыхнуть отрицательная реакция, возможен летальный исход. Как хочется верить, что этого не произойдет!

«Крупный промышленный магнат с Восточного побережья продал одну из своих яхт».

Мурашки по коже! Отказаться от второй яхты! Но ведь может случиться, что на одной яхте уедут кататься магнатовы дети — что тогда? Куда бедному магнату податься? Сидеть на суше?

«Известная в Бостоне богатая замужняя дама объявила о том, что она решила обходиться без своего еженедельного сеанса массажа».

Жутко даже представить, что происходило в те дни в шикарном особняке дамы!

— О-о-о! — стонали хором личный врач, камеристка, горничная и уволенный массажист.

— Но как же без массажа? — ныл потрясенный муж, заботливо скармливая бедняжке ломтик грейпфрута.

— Вон твоя сестрица сменила «кадиллак» на занюханный «мерседес» и хвалится во всех газетах! Чем я хуже ее? — стояла на своем лежащая.

В двери заглядывали перепуганный управляющий, адвокат, косметолог и мозолист. Шофер, садовник, кучер, повара и бармены переживали за хозяйку, стоя под окнами. Гувернеры и гувернантки прижимали платки к глазам. Дети были в отчаянии. Мажордом — в миноре.

«В доме миллионерши Эльзи Поллак, живущей в Лос-Анджелесе, во время званных обедов гостям подают дешевый красный стручковый перец».

Стручковый пе... О! Каждый, в ком бьется сострадательное сердце, не замедлит прослезиться от такого сообщения. Вообразите: респектабельный дом, где все — начиная от вышколенного дворецкого и кончая половичком для вытирания ног — сама изысканность, и вдруг этот грубый овощ! В хижине мексиканского

батрака место этому паршивому стручку! Но чего не сделаешь ради экономии?!

«Другая богатая хозяйка,— пишет далее «Тайм»,— заменила в своем доме живые цветы на искусственные».

И это, конечно, еще цветочки! Потому что, как сообщает далее «Тайм»:

«В Вашингтоне богатые люди сокращают свои расходы. Они заставляют своих детей помогать подавать на стол, обходясь при этом двумя официантами вместо четырех».

Двадцать официантами вместо четырех! Вот они, чудовищные факты, которые вопиют сами за себя! В свете этих ужасающих фактов как дико выглядят те самые сердобольные чудачки, которые жалостливо хлопают носами при виде заурядного фото безработных, стоящих в очереди за миской похлебки. И это в то время, когда несчастные миллионеры сбиваются с ног, мотаясь с подносами на кухню и обратно, потому что стоически обходятся двумя официантами вместо четырех! Перед лицом их лишней хочется сорвать шляпу, коленам поклониться, запеть псалом.

И разве только один маленький утешительный фактик удалось почерпнуть из этой же статьи в «Тайме».

«Чем больше они говорят о своей бедности, тем больше тратят денег»,— сказал о своих собратьях миллионер, живущий на шикарной Парк Авеню».

Немного полегчало и от сообщения торговцев «роллс-ройсами».

«Продажа автомашин,— заявили они,— идет быстро, как всегда».

Сняла камень с души знаменитая ювелирная фирма «Тиффани»:

«Продажа золотых цепочек, украшенных бриллиантами, идет успешно».

Да и как не порадовать себя новеньким «роллс-ройском» или диадемой от Тиффани, когда жизнь так беспощадна, что приходится отказываться от массажа и обходиться двумя официантами вместо четырех!

Общий язык

«Недавно состоялся «обед-беседа» представителей девяти стран «Общего рынка» для решения ставших угрожающими сельскохозяйственных проблем».

Из газет.

— Дзынь! — хрустально плывет звон чокнутых бокалов над буйным многоцветьем изысканных, деликатесных закусок.

— Буль-буль! — журчат рубиново-красные, изумрудно-зеленые, янтарно-золотистые винные струи.

— Ля-лям-пум-пум! — ласкает уши закусывающих нежная, божественно прекрасная музыка, несущаяся откуда-то с верхов.

Мастерство кулинаров, модельеров и парфюмеров слилось сегодня здесь в единый, восхитительный букет. Так в атмосфере тонких вкусовых ощущений, грациозных бесед и лицеприятных улыбок проходит обед-беседа по щекотливым проблемам «Общего рынка».

Жуя со всем изяществом, на какое способен лишь чистокровный бонтон, бельгиец мсье Швабер излучал желание сотрудничать и взаимопонимать.

Мягким, аристократическим движением наложив себе серебряной лопаточкой комочек паштета из омаровых шеек и сбрызнув его капельками гранатового сока, он любезно обратился к своему визави — мистру Сэмюэлю Лонду, посланцу туманного Альбиона:

— Прекрасная погода, мистер Лонд, не правда ли?

— Ах, если бы так! — испустил легкий вздох мистер Лонд, обасывая сладкий стебелек кольраби. — К нашему огорчению, приходится признать, что погоду в последние годы подчас делает чернь — землелашцы. Эти бесконечные демонстрации крестьян утомительны. Только и слышишь: «Цены, цены, закупочные цены!» Крестьянам почему-то постоянно хочется есть!

— Ах, не берите в голову! — элегантно посоветовал советник комиссии «Общего рынка» г-н Маркет. — Отдайте лучше дань этой брюссельской капустке в черепаховом бульоне! Или вот, цветной, в сахарном соусе! Мой диетолог настоятельно ее рекомендует!

— Из всех родов капустных войск мы, немцы, предпочитаем кислую, тушеную, со свиной сосисочкой! — гурманно проворковал герр Бонке из ФРГ. — Мы, немцы...

— Вы, западные немцы, вздули цены! — вдруг в нарушение этикета перебил его всегда сдержанный британец мистер Сэмюэл Лонд, — но мы ответим тем же! Вам придется забыть вкус капусты, а тем более, сосисочки!

Герр Бонке замер. Маленькая устрица тихонько выползла у него изо рта.

— Нет, вы только послушайте, это я вздул цены! — взорвался Бонке. — А что делать, если у нас частичный спад в некоторых сферах экономики! Но это не ваше дело!

— Нет, мое! — прогремел Лонд. — Я состою с вами в одном экономическом сообществе, и если вы взвизгиваете цену на свинину, то этим вы подкладываете свинью мне!

— Бей колбасника! Из-за него инфляция! — подхватил экспансивный итальянец синьор Ромулио.

— Господа, умоляю вас, не сорорьтесь! — разволновался советник «Общего рынка» г-н Маркет. — Нам всем сейчас не сладко. Мы чем-то прогневили небеса!

— К черту небеса! — бесновался Лонд. — Подставили мою многострадальную Англию под угрозу экономического кризиса! Все! Выхожу! Ноги моей не будет в этом «Общем рынке»! Погдите, мы вам предьявим ультиматум! Вы у нас заплаете!

Метко пущенный голландцем Ван дер Гагом снаряд из лобстера в майонезе заставил Лонда замолчать. Очнувшись от шепка, он вцепился в обидчика.

— Отцепитесь, Лонд, — брезгливо отдирал от себя Ван дер Гаг расквашенного британца под майонезом. — У меня самого инфляция! Голова кругом идет! Лучше полюбуйтесь, как бьют Пьера Швабера!

Действительно, Бонке и Ромулио атаковали бельгийского делегата.

— Дай ему по анфасу! Из-за него инфляция! — подхватил Сэмюэл Лонд и присоединился к атакующим.

— Трое на одного? — возмутился Швабер. — Предостерегаю, я быстровозбудимый! И потом, почему только я виноват? А во Франции что делается? Даже такая газета, как «Фигаро», вынуждена была признать, что сегодня французские деревни представляют собой настоящие пороховые погреба!

Демонстрируя полную коммуникабельность, Швабер замахнулся соусником.

— Майн гот! Моя манишка! Гретхен убьет меня! — ахнул Бонке. Его душила обида. — В ФРГ сейчас так плохо дела! Ван

ки лопаются один за другим! Наша финансовая система расширяется! Когда я вступал в «Общий рынок», я думал, что все будет наоборот!

Чтобы утешить Бонке, Ван дер Гаг поймал за шиворот г-на Маркета:

— Скотина, вы, Маркет! Видите, до чего довели человека? Почему взлетели цены на машины, горячее, корма, удобрения? А?

Маркет втягивал голову в плечи.

С настойчивостью, отличающей настоящего англичанина, Лонд продолжал гоняться за бельгийцем.

— Англия имеет желтую жизнь из-за вашей «Зеленой Европы»! — кричал Лонд, пытаясь ухватить Швабера за бабо.

— Се-си-бон! — глумился Швабер с изяществом врожденного аристократа, вскакивая на стол и приплясывая между блюд. — Так вы меня и поймали! Если уж я удрал от марша протеста ста тысяч крестьян стран «Общего рынка» в Брюсселе и благополучно отсиделся в шкафу у своей консержки, то уж вы меня голыми руками не возьмете!

— А стотысячная демонстрация крестьян в Риме — все из-за вас! — подбежал итальянец Ромулио и бросил в Швабера пирожком.

С криком «Ну, уж это пардон!» мсье Швабер намотал на руку копченого угря и хватил им итальянского коллегу. Тот взвыл. — Врежь ему! Из-за него лук вздоржал! — подхватил голландец Ван дер Гаг.

И в эту минуту бельгиец поскользнулся на курином суфле. Воспользовавшись моментом, г-н Маркет потянул скатерть...

— Дзынь! — с хрустальным звоном загремел Швабер.

— Буль-буль! — издавал горестные звуки Сэмюэл Лонд, обездвиженный мельхиоровым ведром для шампанского.

— Ля-лям-пум-пум! Из-за вас всех инфляция! — в экстазе приговаривал синьор Ромулио, остервенело, по-мушкетерски лупцая всех, кто попадался под горячую руку, ножкой от стола.

Это был переломный момент в переговорах.

Тот важный переломный момент, после которого надо вызывать скорую медицинскую помощь и накладывать на конечности участников гипс.

И только двое — представители Дании и Люксембурга — нашли общий язык. Оказавшись под столом, они нашли длинный, скользкий кусочек — телячий язычок и съели его на пару. Вкусный, холодный, в соусе пикант...

Сеймур Фрейдин подрабатывает...

Чтобы уважаемый читатель не маялся в догадках, спешим пролить свет. Герой нашего повествования не плод буйной фантазии автора, а вполне реальное лицо, продукт своего общества, ныне цветущий и здравствующий корреспондент газетной компании Херста в Лондоне 56-летний Сеймур Фрейдин.

Хотя окружающая среда считает, что на Фрейдине пробы ставить негде — столько за ним числится посрамляющих репутацию поступков, — мы выветим мистера Фрейдина в ту безобидную минуту, когда в дверь его комнаты ударили каблуком и мистер Фрейдин безошибочно узнал каблук своей жены.

— Я сегодня чистила твой костюм, Сеймураша, — зловеще проворковала миссис Фрейдин, идя на таран и потрясая перед мужем серым в полоску вещественным доказательством. — И из него выпало вот это!

Муж сник.

— Я хочу знать, что это такое! — В приунывший нос мистера Фрейдина ткнулась зеленоватая бумажка.

— Это? — замаялся опростовослившийся. — Это...

— Да, мой друг, именно это! Я желаю знать, что это такое!

— Это чек, — выкнул мистер Фрейдин, — 30 000 долларов и еще 10 000 долларов... Это деньги...

— Спасибо, что сказал! Сама я бы никогда не догадалась! И что же это за деньги, о которых я, твоя жена, ничего не знаю?

— Я собирался... я хотел... — Виновный забился в сетях.

— Ха-ха-ха! Он собирался! — сардонически захохотала миссис Фрейдин, лязгая браслетами. — Я жду ответа: откуда деньги?

— Я подрабатывал.

— Ты? Под-ра-ба-ты-вал?! Ты, видный журналист?! Ты получал деньги за свои книги, за статьи!

— Это, конечно, само собой. Но я еще немного подрабатывал.

— О-о! Понимаю! Загашник! Шерше ля фам! — В лицо мистера Фрейдину полетели брюки и упреки.

Он снял с лица брюки.

— Я подрабатывал для дома, для семьи!

Миссис Фрейдин воздела руки к люстре.

— Мой муж, — стонала она, — который возглавлял международный отдел нью-йоркской газеты «Геральд трибюн», мой муж, которого сам сенатор Генри Джексон считал своим лучшим дру-

гом, опорой на президентских выборах, подрабатывает втайне от жены! Аморальный тип!

— Прекрати это куриное кудахтанье! — гаркнул мистер Фрейдин, шарахнув об пол чей-то попавшийся под руку бронзовый бюст. К нему снова вернулось самообладание.

Миссис Фрейдин притаилась на козетке.

— Я давно хочу внести ясность, — твердо сказал муж. — На мои гонорары черта с два, душенька, ты бы ездила в «кадиллаках». Ты ходила бы пешком. И торговалась бы на рынке из-за пучка шпината! А ты не ходишь! Ты ездешь! От тебя несет шанелями и диорами! Да, я состою в демократической партии и брал деньги от республиканцев! Если угодно, я брал и у тех и у других! Я продавал информацию и тем и другим! Я подраба-ты-вал! Мамаша, закройте дверь с той стороны! — последнее относилось к теще, которая впрорхнула в комнату со словами: «Не правда ли, прекрасная погода?».

— Мама, — пропела миссис Фрейдин. — У нас серьезный разговор. Мы с Сеймуром...

— Сеймур! — прыснула старушонка. — Он уже не Сеймур! У него есть кличка, как у вора! Его зовут «друг Чапмена»!

— Идите прогуляйтесь, мама, что-то вы заговариваетесь!

— Твоя мать не заговаривается, — угрюмо проговорил мистер Фрейдин. — У меня действительно есть кличка. Да, да, у твоего мужа есть закодированное имя «друг Чапмена». Этот божий одуванчик уже все успела прочитать!

— Что прочитать, Сеймураша?..

— Статью в журнале «Тайм». Обо мне. Вот она.

Статья называлась «Мультиагент».

— Почему «мульти»? — жалобно спросила миссис Фрейдин.

— Потому что «мульти!» Слушай:

«Сеймур Фрейдин — слуга многих господ. Он один из платных агентов, чьими услугами пользовались члены республиканской партии для шпионажа за кандидатами на президентский пост от демократической партии. Этот ярый воин «холодной войны» и антикоммунизма был связан с агентами Центрального разведывательного управления и, по его собственному признанию, получал от них деньги. Сам Фрейдин не принимает названия «агент», но признается, что занимался такими делами. На самом деле он был первым «другом Чапмена», что означает закодированное имя, кличку платных республиканских доносчиков, сопроваждавших под видом журналистов кандидатов от демократической партии. Деньги — вот основной фактор, из-за которого Фрейдин оказался замешанным во многих неприглядных эпизодах».

— Так вот оно что... Деньги, — задумчиво сказала миссис Фрейдин. — Значит, ты работал и на ЦРУ?

— Да, я работал и на ЦРУ! В сороковые годы, когда я был корреспондентом в социалистических странах Восточной Европы, я подбрасывал нашим разведчикам кое-какие фактики. Но это паршивое управление разведки платило такие гроши, что о них даже неудобно говорить!

— Какая мерзость! — вскричала миссис Фрейдин, катапультируясь с козетки. — Какая гнусность!

— Я... — пустил было слезу мистер Фрейдин. — Я...

— При чем здесь ты? Какая мерзость со стороны тех, кто платил тебе гроши за драгоценную информацию!

— О дорогая, я всегда любил тебя! — пылко прошептал мистер Фрейдин, целуя жену. — Мамаша, закройте дверь с той стороны!

Крутя руль своего «кадиллака» по дороге в пресс-клуб, Фрейдин зло посмеивался: «Они пишут, что я нагрел руки на «холодной войне», а теперь остался не у дел. Ну нет! Они еще обо мне услышат. Есть еще на мой век горячие точки планеты! Я им покажу, как можно нагреть руки!» Он вспомнил о жене и весь наполнился невольным восхищением: «Унюхала-таки, сушеная камбала, где у меня припрятан чек на 40 000 долларов! Изумительный нюх! И как это ей удается? Ведь деньги не пахнут!»

Иган, который испортил всю обедню

Деликатный человек не заметит прорехи на платье другого. Он отведет взгляд от грустной заплаты, от просящего каши ботинка. В силу этого тезиса мы не станем касаться экономики Англии как предмета, поношенного до обшарпанности.

И все-таки есть кое-что такое, в чем туманный Альбион не знает конкуренции, чем он интересен и заманчив для туристов. Это духи, привидения и прочая чертовщина — товар, залежавшийся на том свете, но редкий и ходкий в этом лучшем из миров. Ради того, чтобы хоть одним глазом взглянуть на симпатичного погустороннего пришельца, любознательный турист готов ехать, плыть, лететь в Англию, а главное, платить, платить и платить.

Как и положено в мире бизнеса, чертовщина не пущена на самотек, а поставлена на широкую деловую и научную ногу. Британское управление туризма открыло спецшколу для гидов — специалистов по старинным замкам и крепостям. Гиды должны

знать все об обитающих там духах и призраках и давать туристам объяснения об их земной биографии, привычках, внешнем виде и т. п. Поэтому в школе преподаются такие дисциплины, как парапсихология, спиритизм, духоведение.

Но где же собрать свеженькую информацию о духах? Пройдя солидный теоретический курс, гиды идут в народ. Управление туризма графства Уотерфорд провело опрос среди населения с целью разузнать подробности о знаменитых призраках, таких, например, как королева Елизавета или Мария Стюарт, обитающих в заброшенных замках, домах, на кладбищах и развалинах.

Нетрудно представить себе, как проходил этот опрос.

Научнообразный джентльмен с мясистым портфелем предъявляет хозяйке старого, скособоченного домишка удостоверение управления туризма.

— Я хотел бы получить от вас, миссис Хотдог, сведения о... гм... так сказать, не... незарегистрированных жильцах этого дома. Учтите, наше управление не занимается ныне здравствующими. Нам интересуют покойники.

— Мой покойный муж? — всхлипывает хозяйка. — О, бедный Джозеф покинул этот мир, еще когда...

— Извините, — перебивает ее визитер. — Нам интересуют только не з а урядные личности. Если не ошибаюсь, ваш покойный супруг не был ни герцогом Букингемским, ни королем Генрихом IV? Не был он и Папой Пием XII?

— Не был... — признается вдова.

— Прекрасно. Тогда вспомните, миссис Хотдог, не вскакивали ли вы по ночам в холодном поту оттого, что в темноте мимо вас что-то прошмыгнуло? Не хватала ли вас за горло какая-нибудь историческая личность в белом саване? Понюхайте, — подносит он к позеленевшему носу хозяйки пузырек с нашатырем. — Ну-с, так как, пробегали? Королева Елизавета или, скажем, Мария Стюарт?

— Что-то... будто бы шуршало... в подвале... — лепечет обомлевшая вдова. — Но вряд ли это была Мария Стюарт... Скорее это была мысль...

— Ну, а как насчет завываний? Вы слышали завывания?

— Нет... То есть да... Кажется, что-то пищало... Но, сэр, я не уверена, что это была именно она!

— Но, может быть, это был о н? На каком языке пищало?

— Извините, сэр, я не знаю языков...

— Так и запишем: «Пищало на неизвестном языке». Похоже, миссис Хотдог, — сдвигает брови спецагент, — что в вашем доме обитают духи Бисмарка, Васко де Гамы и Хосе Рауля Капابلанки. Парапсихологи, спиритисты и духоведы займутся этими данными. Благодарю вас!

В результате подобных бесед управление туризма составило карту местонахождений исторических призраков. Реклама вызвала резкое увеличение числа заявок на экскурсии. Мероприятие оказалось чрезвычайно прибыльным.

Случалось, однако, что в жуткой мгле подземных коридоров раздавались визгливые рекламации со стороны отдельных чрезвычайно требовательных клиентов.

— Когда же появится Диоген? — возмущалась капризная блондинка. — Я платила за Диогена в бочкотаре!

— Господа, — утихомиривал гид, — я не работаю по заказу! Кто появится, тот и появится!

— Но мне нужен фюрер! — забеспокоился respectable старикашка в коричневой распашонке и в шортиках. — С меня содрали втридорога за фюрера! Я должен его видеть, доннер-веттер!

— А нам подайте Марию Стюарт со свежееотрубленной головой! — орала свора молодых марихуанцев. — Нам гарантировали девятибалльную трепку нервов! Йе-йе! Ча-ча-ча!

— Тихо! — гаркнул гид. — Не галдите! Распугаете всех духов. Наука духоведения доказала, что им галдеж противопоказан! Прошу перейти на шепот и на цыпочки, иначе управление ни за что не отвечает!

Но в целом дело процветало.

— Ах, как славно! — потирали руки в министерстве финансов. — Наконец-то в нынешнем году нам удастся свести баланс!

На лицах финансистов порасцветали улыбки. Дебеты-кредиты сходились как миленькие. Ни один живой еще не приносил столько прибыли, сколько принесли эти мертвые душечки! Как вдруг...

О, это вдруг! Оно сваливается на головы неизвестно откуда и неизвестно когда. Оно рущит надежды и портит всю обедню!.. На этот раз оно явилось в образе чудовищной статьи в журнале «Уикенд» некоего Ричарда Игана. Этот Иган высмеивал всех, кто верил в пришельцев с того света.

С каким ехидством перечеркивает Иган все завоевания «наук» — парапсихологии, спиритизма, духоведения!

«Если вы видите странные огоньки, то убедитесь для начала, что ваши глаза не сыграли с вами шутки. Ведь отражения света от проходящих машин или поездов могут произвести поразительный эффект даже на большом расстоянии.

Если вы услышите странные звуки, примите во внимание естественные явления: стук ветвей, шорох листвы. Воздушные пробки в водопроводных трубах способны вызывать устрашающие, химерические звуки, от которых волосы могут встать дыбом на голове. Таинственные шаги — это могут быть всего-навсего птицы на чердаке, но в ночной тишине вам может показаться, что у вас над головой шагают вампиры. Доски пола имеют обыкновенные ссыхаться или разбухать от влаги, не говоря уже о крышах и стенах, от чего могут происходить все эти пугающие шумы на чердаках и в подвалах».

Короче говоря, Иган призывает всех охотников за привидениями вооружиться здравым смыслом.

Говорят, читатели этой статьи разделились на две части. Одни возмущались и обвиняли Игана в том, что он замахнулся своим пером на самое святое — на бизнес. Другие уверяли, что напрасно первые окрысились на Игана, ибо все равно эти духи и привидения едва ли вытнут на своих призрачных плечах увязший в долгах английский бюджет.

Горько!

Цены на Западе зловеще ползут вверх. Вздорожали, в частности, и женихи. Горько это сознавать, горько! Но, увы и ах, мужественный красавец по карману разве лишь тете Рокфеллера.

Не все упомянули мы здесь эту тетю, семидесятисемилетнюю мисс Рэчел Фитлер. Не ради красного словца, а потому что именно она, родная тетя супруги Рокфеллера, оказалась героиней нашего повествования.

Это был незабываемый вечер.

Мисс Рэчел Фитлер сидела в ослепительном зале самого фешенебельного ресторана в Палм-бич и шарила носом по меню.

— Бифштекс, конечно, жесткий, как подметка? — раздражено спросила она подлетевшего к ней официанта.

— Я поищу для вас самый нежный кусочек, какого еще свет не жевал! — учтиво отвечал elegantный официант, кланяясь с достоинством лорда адмиралтейства.

— Значит, все будет, как всегда, холодное! — продолжала капризничать мисс Рэчел.

— Все будет горячее, как из кратера вулкана!

— Значит, мне придется обжигаться! — все еще надувала губки посетительница.

— Я подую на вашу котлетку, мисс Рэчел!

Весь вечер он прислуживал ей с покорностью монаха и с ловкостью факира, менял блюда и тарелки, фужеры и салфетки, волшебное возникало справа, то слева, подносил, угощал, доливал, священнодействовал, и... к концу вечера она сказала:

— Я беру вас к себе шофером!

С этой минуты они не расставались.

Каждое утро в изящной инвалидной коляске она вкатывалась в холл. Новый шофер с восторгом припадал к ее колесам.

— Наконец-то! Я так ждал тебя, моя птичка!

— Что такое? — вздрагивала всхрипнувшая мисс. — Что вам надо? Кто вы такой?

— Я говорю: наконец-то ты здесь! Птичка-а! — гаркал ей в слуховой аппаратик новоявленный шофер, вставая с колен и отряхивая джинсы. Он легко подхватывал свою патронессу и нес ее в «кадиллак».

Однажды, затормозив машину в роскошной тени кокосовых пальм и ползучих растений, он сказал:

— Я люблю тебя, моя рыбка, и делаю тебе предложение руки и сердца. Как ты на это смотришь?

— Ммм-ццу! — прозвучал в ответ страстный поцелуй.

Журнал «Ньюсуик»: «Майкл Вильсон, 29 лет, на прошлой неделе объявил через местную газету о том, что он женится на Рэчел Фитлер, 77-летней мультимиллионерше, американской старой деве, которая доводится родной теткой миссис Нельсон Рокфеллер. Вильсон служил официантом в отеле Брекера в Палм-Бич, а она наняла его к себе шофером за 100 долларов в неделю. Месяц спустя Майкл сделал ей предложение, и она дала ему 115 долларов на обручальное кольцо».

Пробивной официант неспроста дал объявление в газету. Напав на золотую жилу, он решил ее застолбить. Жила — мисс Рэчел — имела родственников, и он понимал, что они вряд ли с удовольствием выпустят из рук тетину мультимиллионное богатство и канатные фабрики, от которых это богатство пришло.

«Пожалуй, я чувствовала бы себя лучше, если бы он был постарше, но изменить наше решение уже не может никто!» — исповедовалась корреспонденту «Ньюсуик» своенравная мисс Фитлер. «Я не знаю, влюблены ли мы в понимании девушки

18 лет, но мы очень подходим друг другу». На вырвавшийся у корреспондента вопрос: «В каком смысле?» — она ответила: «Мы оба очень любим кататься на автомобиле».

Роскошный дом в Вилланова Па, имени мисс Рачел, широко раскрыл гостеприимные двери перед Майклом. Как-то, придя в ее лазоревую гостиную, жених нежно сказал своей избраннице:

— Прошу тебя, моя звездочка, убери от меня к свиньям собачьим рокфеллеровских адвокатов. Чтоб я их больше не видел! Вчера они пытались всучить мне какие-то несчастные 48 тысяч долларов, чтобы я отказался от женитьбы. Легко сказать! Разлука с тобой разобьет мне сердце.

— Я твоя навеки! — пропалакала молодая.

— Нет, моя стрекозочка, это не разговор, — нетерпеливо остановил ее жених, ловко увертываясь от поцелуя. — Давай точно установим, что я буду иметь за счастье быть твоим мужем.

— Гадкий мальчишка, я же тебе говорила: две фабрики и миллион деньгами.

— Но, darling, пока мы тянули резину, цены на товары первой необходимости выросли на тридцать процентов.

— Ну хорошо, пусть два миллиона деньгами, мой песик!

— Надо еще накинуть, хозяйка! Ты пойми, моя курочка, ведь сейчас инфляция! Сама понимаешь, кризис! Все дорожает! Прямо не знаю... Не продешевить бы...

— Три миллиона!

— Э-эх, где наша не пропадала!

Возлюбленные ударили по рукам.

Накануне свадьбы добропорядочный жених повез свою нареченную знакомиться с родителями. Он, конечно, предупредил их, что везет не Софи Лорен и не Джину Лоллобриджиу.

— Но она волочит ногу! — тихонько заскулила миссис Вильсон.

— У нее один глаз стеклянный! — пропентал мистер Вильсон.

— Вы можете говорить громко, — успокоил родителей Майкл, — без слухового аппарата она все равно ничего не слышит.

А был ли Тхиеу?

От редакции.

На протяжении всех долгих, тяжелейших лет, когда вьетнамский народ вел героическую борьбу за победу и независимость своей родины, крокодилы оружием сатиры оказывали ему по-

сильную помощь — в десятках фельетонов и карикатур высмеивали американских агрессоров и их южновьетнамских прихвостней. На историческую победу вьетнамского народа «Крокодилы» откликнулся фельетоном Татьяны Шабашовой, которая сатирическим пером подвела итоги правления американской марионетки — южновьетнамского диктатора Тхиеу.

У бывшего президента Южного Вьетнама Нгуен Ван Тхиеу много родни. И, естественно, она сильно переживала смещение члена своей семьи с высокого президентского стула.

— Допрыгался! — сокрушено тряс бородашкой старый, почтенный дядя.

Он понуро сидел с трубочкой на крыльчке «Дворца независимости» — резиденции президента — и думал о превратности судьбы. Еще вчера он был дядей президента. Сегодня он просто дядя.

Десять лет пролетело с того дня, когда его племянш, его любимец Нгуенчик, стал главой военной хунты. В июне 1965 года газета «Нью-Йорк таймс» писала: «По мнению американских официальных лиц, Тхиеу — наилучший кандидат на пост главы южновьетнамского правительства». Потом главу военной хунты красиво переименовали в «президента». Ах, как в те дни радовался дядя! Как он восхищался президентом США Джонсоном! Ведь это он выдвинул Нгуена. А директор ЦРУ Ричард Хелмс? Он просто души в Нгуене не чаял!

За что же теперь?..

Дядя поежился. Из дворца дуло, хлопали двери. Какая-то чернь с бесцеремонным шумом выносила вещички уволенного президента.

— А ну, дед, па-асторони-ись! — задиристо покрикивали грузчики, швыряя в грузовики президентский скарб. Скарбик был, надо думать, не из дешевых, ибо метавшаяся из дворца к грузовикам супруга президента сопровождала каждый ящик громкими возгласами: «Осторожно! Осторожно! Не кантовать, олухи!»

Эти крики, шум и беготня угнетали немолодую, незамужнюю тетю по материнской линии, наблюдавшую за погрузкой. Вздывая, унылая тетя Мняу и в хорошие-то времена вечно чуяла недоброе, а сейчас, когда худшие ее опасения оправдались, совсем отчаялась. Говорили, что грустное, постное выражение лица и шуплую фигурку Тхиеу унаследовал от нее.

— Не слушал тетю! — желчно скулила она. — А ведь я говорила, предупреждала. Нет, я не переживу, если этот ферг, этот паук Чан Ван Хьюнг сядет на место нашего Нгуена! Что он, умнее его?!

— Мияу, Мияу! Ты же умная женщина! Не завидуй. Все эти хлопоты на минуту. Я видел, как он бегал по улицам и вербовал себе министров. Он хватал их за фалды, сулил всевозможные блага, а те на бегу отбивались от него. Они спешили на самолеты! Нет, здесь — всё. Всё рухнуло!

— Я это предвидела! Вы все радовались, что американцы потратили на нас полтора миллиарда долларов, а я уже тогда говорила, что все это пойдет прахом!

— Мияу! — взмолился дядя. — Прошу тебя, не лезь в политику! Ну, что ты могла предвидеть? Американцы отвалили нам столько напалма, что можно было съесть весь Вьетнам, а что получилось? Пшик! А какую технику нам поставляли! «Электронные носы», которые моментально улавливали приближение партизан. Бедный наш Нгуен, как уповал он на эти носы!

— Уповал! — нервно захохотала тетя. — Уповал на какие-то носы! С ума сойти можно! Я знала, чем все кончится, так и вышло! Все остались с носами — и Пентагон и Нгуен!

— Кузену Нгуену надо было соображать! — выпалила над дядиным ухом распухая от слез кузина экс-президента. Отставка Тхиеу расстроила ее планы на брак: жених заявил, что не желает, чтобы в его семье пахло политическим трупом. — Как он мог верить этим лживым пентагоновцам, удивляюсь!

— А когда он подарил тебе тысячи гектаров плодороднейшей земли, ты не удивлялась?! — вскрипел дядя, пиная ногой чемодан, который она тащила к машине. — Да! Нгуен грабил казну! Он расхищал фонды торговых компаний! Спекулировал наркотиками! Но денежки текли и в твои карманы! Вертихвостка! Трепанга!

— Прекратите! — вклинилась трясущаяся от волнения тетя. — Нашли время!

— Вам всем перепало больше, чем мне! — задыхнулась от гнева кузина, пиная ногой дядю. — Вратцам Кхиеу и Хиеу он презентовал миллионы долларов! Себе и своей дражайшей он отложил про черный денек ше... ше... шестнадцать тонн золота! — Рыдания помешали ей говорить. Сквозь всхлипы и сморкания прорывались отдельные звуки: «Ку... ку... кузен... Де... девяносто ми... ми... миллионов... пи... пи... пиастров»

Непосвященный бы ничего не понял. Но дядя понял. Нгуен действительно купил на государственные средства для своей жены Нгуен Тхи Май Ан виллу за девяносто восемь миллионов пиастров и дом для сына Нгуен Куанг Лона за сорок миллионов пиастров. Дядя хотел было возразить, что и кузина проживала

не в хибаре, но та лежала в обмороке, и тетя давала ей нюхать корень женьшеня.

Дядя огляделся. Суматоха у «Дворца независимости» переросла в панику. Машины с воем срывались с места, увозя на аэродром очередную партию вещей и членов убегающей президентской семьи.

Дядя тоже затрусил к черному «кадиллаку» и, втиснувшись внутрь, пригнулся между узлами и саквояжами. Через несколько часов он будет на Гавайских островах, в Швейцарии, у черта на рогах, только не во Вьетнаме. Хватит с него сайгонского режима! Его согревала мысль о том, что ему зарезервировано место в клезете президентского «бойнга-747».

И в ту минуту, когда дядя бросал последний взгляд на «Дворец независимости», двери дворца со скрипом распахнулись и оттуда выволокли любимую вазу бывшего президента. Четверо грузчиков, натужно крича «Р-раз-два, в-зяли!!», пытались взгромоздить машину на грузовик. На эмалевых боках, среди завитков и драконов ослепительно сияли на солнце золотые слова: «ДОРОГОМУ. НЕЗАМЕНИМОМУ Н. В. ТХИЕУ ОТ ВЕРНОГО ПЕНТАГОНА. ЛЮВИ МЕНЯ, КАК Я ТЕБЯ!»

— Дедуся, а это правда, что нас везут на свалку истории? — весело процепетал оказавшийся на дядиных коленях малолетний отпрыск.

— Не болтай глупости! — вяло сказал дядя и неуверенно шлепнул несмышляща.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Голые факты	2
2. Солила ль ты биточки, Дездемона?	5
3. Эта дружная, счастливая, процветающая семья	8
4. Тяжела ты, шапка Абрахама!	12
5. Записки вернисаженца	16
6. Война под градусом	19
7. Недремлющее ухо	23
8. Золотая королева	26
9. Жалости просим!	29
10. Общий язык	33
11. Сеймур Фрейдин подрабатывает.	36
12. Иган, который испортил всю обедню	38
13. Горько!	41
14. А был ли Тхнеу?	44

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ШАБАШОВА

ГОЛЫЕ ФАКТЫ

Редактор **М. Э. ВИЛЕНСКИЙ**.

Техн. редактор **С. М. Вайсборд**.

Сдано в набор 31.X.1977 г. А 09026. Подписано к печати
17.II.1978 г. Формат 70×108_{1/16}. Усл. печ. л. 2,10.
Учтно-изд. л. 2,87. Тираж 75 000.
Изд. № 514. Заказ № 1348. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865,
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.